

ОТ АВТОРА ОБЛОЖКИ

Мария Павлова

Старший дизайнер продукта в Яндекс Книгах

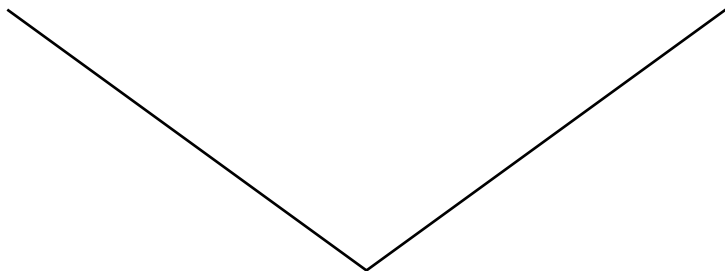
POV: ты сидишь в шкафу, где велела прятаться баб Зоя.

За дверями хтоническое равнодушие.

В стылой глубинке не замечают, что ты есть.

Бабушка сказала сидеть ТИХО

Настасья Реньжина

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=рус)6-44
Р39

Иллюстрация на обложке *Марии Павловой*

Реньжина, Настасья.

Р39 Бабушка сказала сидеть тихо / Настасья Реньжина. — Москва : Эксмо, 2026. — 224 с. — (100 из 100. Дизайнерская серия).

ISBN 978-5-04-232110-8

Баба Зоя живет одна, но регулярно печет кому-то пирожки и поглядывает на шкаф. Соседки, с которыми она изредка ходит в лес по грибы-ягоды, подозревают, что их подруга чуточку сошла с ума от одиночества и уверовала в существование домового. Но в шкафу дома с почти всегда закрытыми ставнями и правда кто-то живет. Кто-то косматый, кто не умеет разговаривать, никогда не выходил из дома и даже не видел неба. Вот только это совсем не домовый...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=рус)6-44

© Н. Реньжина, 2026
© ООО «Яндекс Музыка»,
иллюстрации, 2026
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-232110-8

Глава 1

Из старого шкафа — ни звука. Бабушка Зоя поставила перед ним две миски: одну с водой, вторую — с вареными яйцами и куском телятины. Поставила прямо на пол, нарочно громко, чтоб брякнула железная миска, чтоб слышал Купринька: кушать подано. Садитесь жрать без «пожалуйста».

Вода немного разлилась, затекла в щель меж досок, наполнила собой проплешину. Надобно бы покрасить пол, да вот когда? Это ж из дома уходить нужно, да на целый день, а с Купринькой такое невозможно, Купринька навеки к дому привязанный. А оставишь его, так задохнется от краски, как пить дать задохнется. Уж больно эти жители шкафов хрупкие.

В шкафу — тишина.

Сам шкаф насупился, накренился немного вправо. От старости потемнел зеркалом, поразошелся в швах, заржавел в петлях — от чего жалобно стонал, но в целом держался молодцом.

Под разошедшиеся четыре ноги баба Зоя заботливо подложила свернутую во множество раз газетку. Под

правые — по газетному развороту, под левые — по два (да еще и первые страницы, экий почет).

Шкаф чуть приосанился, но полностью выпрямиться отказался. Всем своим сколиозным видом он словно говорил: «Не тронь ты меня, старика, бога ради!»

А может, Купринька и не в шкафу вовсе? Да где ж ему быть, как не там? Заглянуть бы, разузнать бы, рассмотреть бы, да ведь, поди, спрячется, не покажется, не дастся.

Это он второй день подряд дуется за то, что бабушка Зоя уборку затеяла, да такую, что из шкафа-то всю одёжу, все простыни-наволочки-пододеяльнички повыволокла, растрясла их по улице, а какие и вовсе замочила в «Белизне» да стирать принялась. Должно быть, не по нраву Куприньке пришлось, что разворошили его жилище. Должно быть, оно неприкосновенное. Он, небось, себе гнездо из баб-Зоиных платьев свил и спал преспокойно, а теперь вот все порушено. По-баб-Зоиному «вычищено» или «убрано».

И хотя баб Зоя еще вчера вернула весь шмот на место, и хотя запахло в шкафу свежестью и немного остатками «Белизны», Купринька, кажись, разобиделся: два дня отказывается принимать бабушкины дары. Говорят, им, таким как Купринька, нужно подсовывать конфеты да печенье, чтоб задобрить. Сладким брать надобно.

Бабушка Зоя со вчера положила на блюде перед шкафом свои любимые «раковые шейки». Не конфеты,

а наслажденьице райское! Но наутро обнаружила их на прежнем месте. Не тронуты, не съедены.

Такие дела.

Но конфеты же не пахнут, так? Может, не понял Купринька, что ему сладостей прислали, чтобы задобрить — успокоить? И вообще, как у него с обонянием-то? Чует что вообще? Нужно что-то ароматное выдумать, чтобы унюхал точно-преточно, чтобы устоять, усидеть (или в каком он там положении в шкафу?) не мог. Выполз чтоб. Поел чтоб. Простил чтоб бабу Зою. Пирог? Вот это дело! Пирог! Маковых ватрушек, Купринькиных любимых. И с яблочком еще, с яблочком, чтоб наверняка умаслить-ублажить-упирожить. А пока вот вода да яички, ну и кусок вчерашней отварной телятины. Завтрак, так сказать.

Бабушка Зоя понимала, что даров этих Купринька не примет, но кто ж знает, вдруг он есть не ест, а учет ее подаяний ведет. И если не подать, то поставит в своем умишке (или где еще) прочерк. Запомнит и как-нибудь бабе Зое отомстит. И непременно ночью, когда та спит, а он бодрствует. По ночам баб Зое кажется, что слышит она скрип (стон) двери шкафовой, сбитое дыхание, словно кто осторожничают, но не особо-то получается. А потом топот босых ног по полу: на кухню — с кухни, в комнату — из комнаты.

Зажечь бы лампу, да не решается бабушка Зоя. Во-первых, вдруг испужает Куприньку (если это и впрямь он), вдруг тот взвизгнет от света, со страху,

вдруг не выдержит баб-Зоиного виду в застиранной сорочке и сонного ее взгляда. У Куприньки свои дела — ночные, важные, не стоит его отвлекать. Во-вторых же, это может бабушке Зое и казаться — все эти ночные звуки. Все выдуманно ею, темнотой комнатной навеяно.

Каждый вечер наглухо задергивает баб Зоя шторы, да еще и ставни закрывает: с улицы свет не проникнет. И вот в такой глухой темноте всякое может надуматься, разное может навеяться. А то и вовсе спит бабушка Зоя, спит себе и слышит сны про скрип дверей да топот босых ног.

— На-кась, поешь-ка! — решила заговорить-таки баба Зоя. Поначалу не хотела. А то что ж — Купринька в позу, а ей терпи? Она тоже разобидеться может!

И бабушка Зоя помолчала-помолчала, с пару часов этак, а потом занемогла от вынужденной немоты. Невозможно же это: жить вот так, шуршать по дому, готовить еду и молчать. Это и скучно, и неправильно как-то. На что же человеку язык дан? Чай, не как собаке — не хвост нализывать.

— Тут вот водичка. Ее хотя б попей. Мяско вот. Правда-сь, вчерашнее ишшо. И яички. Яички... ой. — Бабушка Зоя всплеснула руками: — Яички-то не почистила! Ну надо ж! Ну, ничо-ничо, счас усе исправим, усе почистим, не беспокойси. — Сама на всякий случай прислушалась: вдруг Купринька и впрямь забеспокоился. Но нет, молчит старый шкаф. Притихли его

сварливые полки, не скрипнут дверные петли. Не шелохнется Купринька. Бабушка Зоя стукнула по полу яйцом, аж прям с размаху. Тыщ! Пошли трещинки по белой скорлупе.

— Чи-ищу! Слышь ли? Чи-ищу. — Тихо в шкафу. Так тихо, что, казалось, слышно хруст скорлупы под тонкими, от старости и работы коричневыми пальцами баб Зои.

Второе яйцо хрясь об пол. А сама на шкаф зырк — ни движеньица. Яичные скорлупки сгребла бабушка Зоя с пола (да как можно шумнее) и в карман передника сунула. Не забыть бы вытащить курам на подкормку.

— Что ж. Не хошь, как хошь, — вздохнула баб Зоя, печально глядя на шкаф, словно бы с ним и разговаривала. — Я упрашивать не стану, уговаривать не буду. — Еще немного потарасилась на шкаф, после разогнулась (уж насколько смогла: полностью уже не получается — земля к себе зовет, в спине ломает) и прошаркала на кухню. Шаркала нарочно громко, пару раз аж притопнула. На кухне встала у печки да вслушалась: не скрипнула ли дверка? Не скрипнула.

Постояла-постояла бабушка, да и плюнула, вот прям слюной и прям на пол — все равно самой же потом мыть. Оголодает — вылезет. Наверное. Но от затеи с пирогами не отказалась. Достала пироговую кастрюлю. Это такая специальная, алюминиевая, большущая — руками не обхватишь, в которой только тесто

месится и ничего более. И никакой варки! Никакого нагреву!

Замесила тесто, накрыла бережно полотенцем вафельным: пускай стоит-подымается. Надо бы занять себя чем-то, пока тесто подходит, а из дому боязно выйти: вдруг Купринька появится. Его ж поймать нужно будет, помыть там, накормить опять же. Это если от кушаний не откажется. А коли откажется, так силой накормить. Бабушка Зоя за порог, а Купринька тут как тут и выйдет. Опять разминутся — не свидятся. А может, и ну его, встречи все эти? Она и без того знает, что сидит себе Купринька в шкафу, живет там и здравствует, по ночам шоркается по дому, а видется с ним и не обязательно вовсе. Ну уж нет! Бабушка Зоя схватила чугунную сковороду и ну ее тереть. Разозлили ее эти мысли-гадания, гадины: выйдет али не выйдет, поест али не поест. Словно забот у нее никаких больше под старость-то лет нет. Вот сковороду оттереть от гари надобно. И что, что та и без того блестит, отражает морщинистое сухонькое лицо бабушки Зои, то, как седые пряди из-под платка белого повыбились, в глаза, проклятые, лезут, а в грустных серых глазах словно притаилась молодость. Она бабушку Зою давно покинула, а в глазах вот осталась зачем-то, словно напоминание о годах, еще не омраченных ревматизмом и проблемами с сердцем. А может, это просто сейчас так разозлилась на Куприньку бабушка Зоя, что заблестели ее глаза, заискрились, ожили. Хоть от злости, но

все же. И чугунная сковорода намыта уже не по одному разу, и чашки-тарелки начищены до блеска золою печной, и кастрюли на полках перебраны, а тесто все еще недостаточно поднялось.

Решила тогда бабушка Зоя все же выйти за тот самый порог, который всего час назад не решалась переступить. Курей, что ли, сходить проведать? Покормить горластых да яиц посмотреть. Что ж, вечно этого треклятого Куприньку сторожить? Уж нет! Увольте! Сменила бабушка Зоя домашний передник на рабочий, скинула тапочки, сунула ноги в калоши, на комнату обернулась и крикнула:

— Я к курям! Если хочешь, можешь за мной ступать! — И важно добавила: — Иди ты и все семейство в ковчег!¹ — Тишина. — Не хошь, как хошь, — повторила свое любимое баб Зоя. Дверью скрипнула и была такова.

По возвращении из курятника (а еще из огорода и свежевymетенного двора) нашла бабушка Зоя очищенные яички и остывшее мясо нетронутыми, воду непитой, а тесто поднявшимся. Спасибо и на том. Хоть тесто радует, хоть оно, родимое. Рассыпала бабушка Зоя по столу муку, рукой ее чуть прихлопнула, залюбовалась, как та в воздух поднялась да обратно осела. Тесто из кастрюли пироговой выманила да о стол

¹ *Бытие 7: 1 (искаженное).*

его кинула. Пуф-ф — поднялась мука во второй раз. Эх, красиво. Накинула баб Зоя немного муки на тесто, чтоб то не цеплялось, за руки не хваталось, да как принялась его мять. Грубо, но с любовью. С одного бока, с другого, прокатила по столу, и опять бока тесту наминать, сложила вдвое — растащила, смяла — расправила, правую руку — в левый бок, левую руку — в правый бок. Тесто любит, когда его мнут долго, упорно, крутят по-всячески. После делила бабушка Зоя тесто на части, раскатывала в тонкие пласты, стаканом вырезала из него кружочки, запечатывала в них яблоки. Катала квадрат, посыпала его маком да поливала сахарным сиропом, сворачивала в рулет и нарезала в будущие витушки. Не прошло и получаса, как пополз по дому теплый пирожковый аромат, запах сладкого теста, подпеченных яблок и румянящихся в печи витушек. Вылез аромат из кухни, пробрался в комнату. Вот-вот и в шкаф проникнет, вот-вот и сдастся Купринька. Должен же? Должен сдасться! Как тут вообще устоять можно? Бабушка Зоя сложила пироги на подносе: витушки с витушками, яблочные с яблочными. Себе парочку на блюде оставила, остальные накрыла полотенцем, словно одеялком, — чтоб не остыли. Налила чаю да стала ждать, когда Купринька сдасться. А тот и не подумал! Даже не пошуршал никак. Словно и нет его. Словно и не существует вовсе. Но быть такого не может! Он же настоящий! Купринька есть! Есть! Просто не хочет показываться. Да точно-точно. Не хочет, и всего-то.

К ночи затворила бабушка Зоя ставни, задернула шторы наглухо, зажгла свечу. Не удержавшись, взяла блюдечко с тремя витушками и пронесла его в комнату, поставила перед шкафом:

— Ну хоть так-то, — сказала. То ли себе, то ли Куприньке — непонятно. Села в комнате за столом, поставила перед собой зеркальце, перед зеркальцем — свечу, хихикнула глупо, по-девчачьи: «Будто на суженого-ряженого собралась гадать. Приходи поужинать». Сама спиной к шкафу сидит, якобы не заинтересованная. Зеркало же на дверки направила, туда всматривается, и кажется ей, что бегут тени от шкафа к полу. Тени длинные, тени страшные. Бегут сумрачные, к бабушки-Зоиним ногам подбираются. Того и гляди — схватят.

— Купринька, ты ли это? — дрожащим не от старости, а от испуга голосом.

Да нет же. Купринька не такой, Купринька не страшный, Купринька не станет почем зря бабушку пугать. Принялась тогда баб Зоя Куприньку вызывать:

— Выходи, Купринюшка, выходи, родненький. Выходи-покажись, пирогами моими угостись, — напевала-умасливила она жителя шкафа. — Ночь уж на дворе, ничего тяперячи не страшно. Выходи, не бойси. Выходи ко мне, миленький.

Но не вышел Купринька, не отведал бабушкиных пирогов. Ждала-ждала, да не дождалась. Звала-звала, да не дозвалась. Свечу погасила. Спать легла. Спать да к ночным шорохам прислушиваться.

И этой ночью приходили сквозь сон бабушки-Зоин и скрипы дверей шкафа, и топот босых ног по деревянному полу, и даже словно стук мисок, всех сразу — и с водой (только бы не залилась в половицы), и с яйцами, и с пирогами. И чудилось в темноте, будто вылез Купринька из шкафа и ест все принесенное-поданное разом: яйца вприкуску с витулями да телятиной остывшей закусывает. Но поутру, расшторив все окна, раскрыв все ставни, обнаружила бабушка Зоя дары все свои нетронутыми. Нет, не вылезал Купринька, не бродил по дому, не бренчал мисками — приснилось ей все это. Вот, правда, словно бы приподнято полотенце на пирогах, словно бы витулей поубавилось. Или все это старушкино воображение? Кто ж его теперь разберет.

Глава 2

Когда появился Купринька у бабушки Зои, уже и не упомнишь. Лет пять ли, шесть ли назад. А может, и все восемь. Эх, надобно было в календаре отмечать, что ли, или засечки на дверном косяке ставить. Но засечки, чтоб сроки считать, — это как в тюрьме словно бы. Негоже. И почему именно в шкафу? Бабушка Зоя убеждала себя, что так вернее, Куприньке там теплее, надежнее. Можно было бы, скажем, под кровать поселить, но там пыль. Да и не больно-то сокрыто подкроватное от глаза людского. В остальных тумбах места

все же маловато. А в шкафу более-менее свободно. А Купринька растет. Вроде как. Можно было в печь его определить — вот куда никто не заглянет, но там огонь. А не огонь, так зола — перепачкается весь. А не зола, так бабушка Зоя совочком шкрябает — вдруг заденет. Можно на печь. Там точно хорошо: тепло и подушек много, но слишком уж светло и занавесочки не спасают все от того же людского глаза. В погребе еще хорошо, вольготно, ничего, что немного влажно и слизни ползают, зато можно пошуметь, когда захочется, но Купринька на погреб не согласен. Может, бабушка Зоя придумала это несогласие, но все же ей так показалось. Так что только шкаф. И ничто иное. «Шкап» — как его называла сама бабушка Зоя. Куприньку прижила она по всем правилам: завернула сначала в тряпицу, да не в чужую, а свою, личную. Кажись, то платок был шерстяной-собачий, теперь уж точно не скажешь: платок ли, халат ли, простыня ли. Как-то не до того было. Тряпицу эту сграбастала и в дом понесла.

Купринька сидел тихо, не шелохнулся, голоса не подал. Да его и не видно было из-под тряпок-то. И вот прям весь сверток бабушка Зоя прямо в шкаф и положила. Не разворачивая. Говорят, не нужно разворачивать-то. Это чтобы привычнее запахи были новоселу. И не трогала первое время Куприньку бабушка Зоя, ждала, пока тот пообвыкнется. Говорить с ним не понимала как. И по дому шуметь боялась: а вдруг Куприньке не понравится. А потом осмелела и заговори-

ла (поначалу безответно), и прикармливать стала. А до Куприньки жила бабушка Зоя одна. Был у нее отец, но ушел на фронт и не вернулся. И истории героической или не героической — печально-тяжелой — нет. Сел с другими новобранцами в поезд на ближайшей к их деревне станции. А поезд взял да и пропал. До фронта так и не дошел, словно испарился. И все солдатики, в нем ехавшие, враз пропали без вести. Но то на бумагах, пришедших родственникам, а что на самом деле и с поездом, и с отцом случилось, кто ж теперь скажет. Тогда не сказали, а сейчас — уж и тем более. Была мать, но то ли от тоски по отцу, то ли от болезней каких неведомых зачахла за пять послевоенных лет, оставив Зою на попечение тетки и двоюродного брата. Брат, когда вырос, мотоцикл купил. И разбился на мотоцикле этом. Не сразу, конечно: несколько недель, а то и месяц покрасовался, погонял по деревне. А потом слетел с моста — и все, не стало у бабушки Зои (тогда еще не бабушки) и брата. У брата невеста была. Дуня. Теперь уже Авдотья Петровна Щеглова, жена председателя колхоза «Дружба», мать троих детей, бабушка семейных внуков, женщина дородная, пышная, несмотря на почтенный возраст — оч-чень даже бодрая.

После смерти брата Дуня, простите, Авдотья Петровна, еще какое-то время приходила к Зое и тетке в гости, а потом перестала. А потом и вовсе стала делать вид, что никакой Зои не знает. И по сей день с бабушкой Зоей не здоровается, что по деревенскому

этикету, в общем-то, не принято. Бог ей судья, как говорится. Тетка после смерти брата еще какое-то время пожила, но тоже оставила Зою, когда той едва исполнилось восемнадцать. Самый цвет молодости, а она уже всех, кого могла, похоронила. Переехала из теткиного дома в родительский: чужого-то не надо, коли свое имеется. Заходить в родительский дом после нескольких лет отсутствия боязно, но любопытно. Екнет ли сердце? Не откажут ли ноги нести тебя за порог? А вот казалось бы: теткин дом и дом родительский на соседних улицах стоят, отчего бы не ходить, не навещаться в свой, родной? А все было некогда, а все находились внутренние отговорочки. И делать, мол, там нечего, и ходить-то туда незачем. За многие годы дом не изменился. Разве только прогнил нижний ряд бревен, нужно заменить. Крыльцо покосилось немного, но и это поправимо. А внутри все то же, только пылью покрытое. Старая печь с чугунками, стол на кухне, посуда к обеду расставлена, так и не поели с матерью в последний раз, скрипучие полы, потускневшие зеркала, огромный шкаф, разделяющий комнату на две зоны — гостиную и спальную. Зоя прошла за шкаф. Здесь две кровати: ее и мамина. Полежала на своей, словно мала та стала, не по росту, не по возрасту. Легла на мамину. Хорошо. Уютно. Пыльно. Три дня понадобилось Зое, чтобы пыль поразогнать, перину взбить, чугунки перемыть, убрать со стола посуду — уже не отобедаем, — намыть полы, расскрипеть их постоянным хождени-

ем туда-сюда, туда-сюда. Повесить новые занавески. Привести в порядок зеркала. Разложить да развесить одежду в шкафу. Умаялась. Устала.

Вы не подумайте, женихи к Зое сватались. По молодости она пускай и не первой красавицей была, может, и вовсе не красавицей, но все же девушкой приятной наружности. Тонкая, хрупкая, юркая, а руки сильные, работающие. Таких в деревнях любят. Коса с кулак толщиной и до пояса. И глаза серые-серые, веселые-веселые. А как бровью пшеничной поведет, так и позабудешь обо всем на свете: кто такой, как звать, зачем пришел. Женихи сватались, да все не те, не по Зое. Хаживал к ней, например, Егор. Парень статный, парень видный, с вечно искомой в деревенских парнях косой саженью в плечах. Пришел он, помнится, к Зое и сразу в лоб и говорит:

— Давай я тебе забор поправлю, а ты за меня за муж выйдешь.

Но Зоя хитрая, так отвечала Егору:

— Давай ты мне забор поправишь, я тебя борщом напою, а за борщом обсудим твои планы на женитьбу.

На том и договорились. За борщом потребовал Егор у Зои рюмку водки. А у той отродясь алкогольного не водилось. Разве что в настойке на одуванчиках. Но Егор подумал-подумал и решил, что одуванчики пить не будет — горчат, поди. И выудил из внутреннего кармана фуфайки чекушку, себе налил (уж рюмка-то

нашлась у Зои на кухне), Зое предложил, но та отказалась. Так и отобедывал: три ложки борща — рюмку водки, три ложки борща — рюмку водки. Чекушка быстро вся в Егора и ушла. Жених не растерялся, за второй сбегал. А потом за третьей. А потом рухнул головой на Зоин стол, одна рука в остатках борща, последняя чекушечка по полу звонко прокатилась.

И решила тут Зоя, что не будет женой Егора. Когда тот проспался, сообщила ему о своем решении. Егор разозлился, ушел, дверью хлопнул, да так, что только что поправленный забор повалился обратно. Егоров водочный запах после целый день выветривался. А потом Егор запил, так запил, что нашли его мертвым в канаве: уснул лицом в воду и захлебнулся.

Вся деревня трещала, что это любовь к Зое его сгубила, что Зоя ему отказала, вот он с горя и начал пить. Но Зоя-то знала, что вовсе не она причиной Егорову пьянству. Ходил к Зое и Борис. С ним поначалу все ладно было. Цветы носил, по хозяйству кой-что помогал. И не пил. Совсем. На вид Борис был не особо красив: мелкий, без передних верхних зубов, шрам на щеке (говорил, что собака в детстве цапнула). Но разве мужиков за внешность любят?

Борис был Зое не противен, но любви все же не чувствовалось. Но разве она так уж нужна? Разве любовь — основа счастливого брака? Вон сколько семей живут без любви, детей растят, внуков нянчат, и ничего. Ну, поругаются порой, да разве ж без ругани хоть

одна семья обходится? Вот только не нравилось Зое, что Борис ее то по колену под юбкой погладит, то за ягодицы в курятнике ущипнет.

— Нельзя же до свадьбы, Боренька, — хмурила брови Зоя.

Тот ухмылялся:

— Так будет же, будет свадьба, а ты пока дай тебя помазать чутка. От тебя же не убудет.

И Зоя решала, что чутка, пожалуй, можно позволить, но всякий раз, когда Борис тянул к ней свои руки, она ударяла по ним, избегала их. Словом, по-прежнему не давалась. И повторяла:

— До свадьбы нельзя.

А Борис все обещал:

— Да будет, будет свадьба. — Но замуж не звал. А потом зажал Зою как-то в чулане, юбку ей задрал, в штаны полез, задышал ей в лицо: — Все равно же моя будешь. — Зое так противно стало, так обидно, так липко все это. Схватила она утюг, тяжелый такой, старинный, еще от бабушки оставшийся, и огрела им Бориса по голове. И убежала. Закрылась в комнате и слушает: ушел ли обидчик. А от того ни звука. Умер, что ли? А проверить-посмотреть боязно.

Так и сидела Зоя в комнате, от страха тряслась, от страха же Борису, возможно умирающему, помочь не решалась. Лишь под вечер услышала возню в коридоре да постанывания: очухался «жених». Из дома выполз. По счастью, ломиться в комнату не стал. То ли испу-